

Карзенкова Елена Петровна
старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
karzenkova_e@mail.ru

Гуань Цзысюань
студент Института иностранных языков
Шаньдунский педагогический университет
студент филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
karzenkova_e@mail.ru

БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ А.С. ПУШКИНА

(опыт лингвостилистического анализа портрета героя)

Авторы статьи исследуют «зачины» (абсолютные начала) двух повестей А.С. Пушкина «Станционный смотритель» и «Пиковая дама». В статье представлены результаты лексико-семантического анализа портретов главных персонажей повестей как способ характеристики художественного мира писателя.

Ключевые слова: лингвостилистический анализ; анализ лексики; художественный мир писателя; повести А.С. Пушкина.

В фундаментальном труде «Стиль Пушкина», принадлежащем В.В. Виноградову, подчёркивается важность соответствия 2 принципов авторского стиля писателя: (1) «принципа соответствия слова предмету» и (2) «принципа пластической выразительности <...> образных замещений», которые могут выступать в качестве символа «многих скрытых», порой «неназванных», а только «подразумеваемых, но близких по побочным представлениям явлений» [Виноградов 1941: 62].

В.В. Виноградов считает, что «слова, выражая свои прямые значения, в то же время» являются источниками для различных ассоциаций, символизма или аллюзий и тем самым вызывают «мысль о других предметах, событиях и чувствах» [Там же], которые характеризуют отношение автора к своим персонажам. Однако, как пишет В.В. Виноградов, большое значение в произведениях А.С. Пушкина имеют «не обозна-

ченные», а «только подразумеваемые» понятия, предметы, события и чувства. Так возникают самые разнообразные приёмы «такого сочетания образов» и такой образности, при которых «по лёгким намёкам угадывается скрытый основной смысл» [Там же].

«Пушкинское слово», по мысли В.В. Виноградова, как оказывается, «включает в свою смысловую структуру», и, кроме «своих прямых и переносных значений, несёт ещё и потенциальную энергию быть выражением и отражением побочных, ассоциативно связанных с ним образов, чувств», мыслей, настроений, «понятий и идей» [Виноградов 1941: 62–63]. Во всём этом и «кроется один из источников лаконизма изобразительных форм» в языке А.С. Пушкина, что в свою очередь ведёт к тому, что, как утверждает учёный, «слово утрачивает свою прямолинейность, становится многозначным и многоплановым» И, как следствие, «преобразуется вся смысловая композиция произведения» [Там же: 63].

Эффект такого рода «лаконизма» и таких «недомолвок» оказываются особенно заметен, когда трагические события или чувства описываются А.С. Пушкиным «просто и обыкновенно» [Там же], без прикрас, как нечто будничное, ежедневное, обычное...

«Для Пушкина идеал поэтического слога – “наглая простота” выражения, исполненная глубоких чувств и поэтических мыслей и близкая к живой народной речи» [Там же: 43]. По мнению самого А.С. Пушкина, «...не ангелов совершенных должны представлять нам поэты, но человек с их добром и злом... тех людей, которые сильнее мыслят, сильнее чувствуют и потому живее действуют» [Пушкин, цит. по: Виноградов 1941: 44].

Прежде чем описывать языковые средства, используемые при создании портрета в повести «Станционный смотритель» [далее цит. по: Пушкин 1987: 75–85] и повести «Пиковая дама» [далее цит. по: Пушкин 1987: 190–214], следует, как представляется, несколько ограничить объекты нашего анализа. Нами будут описаны языковые средства, «обрисовывающие» портреты главных героев указанных произведений, представленные только в эпитафиях и «зачинах» к упомянутым повестям, то есть в абсолютном начале указанных произведений.

Начнём с эпитафий. Несмотря на то что картина существования и сам главный персонаж описаны скорее в трагических тонах, «Станционный смотритель» предваряется ироничным эпитафией из *Князя Вяземского*: «*Коллежский регистратор, Почётный станции диктатор*». А первая фраза повести «кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранился» контрастирует с эпитафией. Однако вместе они представляют собой антитезу, которую, впрочем, представляет эпитафия в сочетании со всем безрадостным содержанием повести. Прочитав её,

мы даже не улыбнёмся ни разу, поэтому приписывание «диктаторства» главному персонажу вызывает лишь «улыбку» сожаления, поэтому ирония «получилась грустная»...

Эпиграф к первой части «Пиковой дамы» тоже не лишён иронии, нескрываемой насмешки над игроками: *А в ненастные дни/ Собирались они/ Часто;/ Гнули – бог их прости! – / От пятидесяти/ На сто/ И выигрывали,/ И отписывали/ Мелом. / Так, в ненастные дни / Занимались они/ Делом.* Он, однако, находится в гармонии со следующим за ним текстом, так как в нём присутствуют и описание элементов карточной игры, и горькая насмешка над теми, кто вместо того, чтобы *заниматься делом*, праздно *выигрывает* или *отписывает* (записывает долги). Эта ирония эта насмешка над игроками не лишены грусти, ибо, как известно, и сам автор произведения игрывал: выигрывал, проигрывал, *отписывал мелом*...

Портрет главного героя повести «Станционный смотритель» автор детализирует с самых первых строк (мы ограничимся первыми тридцатью и указанным эпиграфом), сразу показывая статус его должности – самый незавидный. Семантика слов, расположенных в первых строчках повести, производит удручающее впечатление о месте службы «коллежского регистратора 14 разряда», о нём самом, о его жилище, о тех, с кем ему приходится ежедневно сталкиваться, об обстановке вокруг.

Глаголы в описании действий, чаще направленных против смотрителя, имеют оттенки (1) **нападения** (*проклинал, требовал вписать, не почитает, вымещает* на смотрителе, *не церемонься, судить, посыплются угрозы*), (2) открытого **противодействия выполнению службы** (*не везут, не случится*), (3) проявления излишней **суетливости** (*спешил, бегать*). При этом оказывается, что против «надлежащего исполнения должности смотрителя» не только *ямщик упрямый*, но и само провидение: *не случится лошадей, лошади не везут*...

Семантика имён прилагательных (приведём их для выразительности в сочетании с существительными) способствует усилению гнетущего впечатления от обстановки вокруг смотрителя и от его службы. **Сам он** – *станционный* смотритель, *суций* мученик – описывается, как источник раздражения проезжающих, а именно: *равный покойным* подьячим, *муромский* разбойник. **Жилье** его *бедное* (впрочем, живёт он там же, где служит). **Место его службы** это – *бесполезная* жалоба, *скверная* дорога, *скудная* езда, *упрямый* ямщик, *крещенский* (сильный очень) мороз, *несносная* погода, две *последние* тройки (отданные генералу), *настоящая* каторга. Только прилагательное *курьерская* (тройка) могло бы быть воспринято как нейтральное, если б саму эту тройку не отдали ге-

нералу, поэтому отсутствие лошадей нависло дамокловым мечом над головой зрителя...

Его уничижительная характеристика дополняется причастиями, ибо он – *дрожащий, бегущий*, который *виноват* во всех дорожных неудобствах и даже погодных катаклизмах и *принуждён* терпеть и *раздражённого* постояльца, и *непрошенного* гостя, и *накопленную* им самим досаду, «разве что от побоев» *ограждённый* своим незавидным чином. **Место службы** также «окрашивается» причастием (*отданные* генералу (две последние) тройки, необходимые для курьерской службы, от генерала, впрочем, благодарности нет как нет...

Наречий не так много в анализируемом фрагменте (*глухо, некогда, шуточно, не всегда, скоро избавиться*), а деепричастие вообще одно (*входя*). Возможно, это связано с необходимостью характеризовать персонажа «остро» и «прямо», тогда не возникает потребность в особых нюансах и оттенках описания.

Имена существительные (*враг, гнева, жалобу, извергами, дождь, слякоть, мороз, от побоев, угрозы, ругательства, мертвецами, книги, лошадей, ящик, служба, зритель, проезжающие, досада, каторга, мученик, покою ни днём ни ночью, тройки, генерал*) также создают гнетущую картину. Однако их можно разделить на две группы: (1) существительные явно негативно окрашенные или оценочные (*враг, изверг, каторга, мученик, разбойником, жалоба, ругательства, угрозы, мертвецами, слякоть, досада, притеснение, грубость, несправедливость*) и (2) нейтральные существительные, приобретающие «негативную оценочность» в контексте описания обстановки вокруг зрителя (*проезжающие, гости, дождь, мороз, покою ни днём ни ночью, роковой книги, покойным подьячим*). Здесь следует упомянуть и о том, что нейтральность существительных мнимая, ибо, сочетаясь с прилагательными, глаголами и между собой, они также приобретают негативную окраску, говоря при этом о нелёгком, неблагодарном, мало оплачиваемом труде станционного зрителя.

Такое начало повести сразу окунает нас в напряжённую атмосферу места службы зрителя, показывает, что он – в самых низких чинах и беден, как и его дом. Но ещё и его имя собственное не упоминается ни на первой странице, ни на нескольких ближайших: он будто бы обезличен (то есть «нарицателен»), как множество станционных зрителей на необъятных просторах России...

Каково же начало «Пиковой дамы»? Есть ли в первых строках портретная характеристика главного героя, его имя, род его занятий, а также описание обстановки, где будет происходить действие? Какими

языковыми средствами достигаются те или иные эффекты? Можно ли говорить хоть о каком-либо параллелизме «зачинов» повестей?

Первое, что бросается в глаза, это то, что практически все глаголы, используемые А.С. Пушкиным на первой странице, так или иначе касаются игры (в карты). Прочитав заглавие повести и заглядывая чуть вперед в её содержание, мы понимаем, что игра будет главным «двигателем» сюжета.

Обратимся к примерам. Одна из групп глаголов «зачина» – однокоренные с игрой: *играли, проиграл, играю, проигрываюсь*. Их четыре на такой небольшой площади текста. Вторая группа описывает разного рода манипуляции с картами и/или действия во время карточной игры: *не брал (карты), прошла незаметно ночь (за игрой), сели ужинать (в 5 утра, когда закончили игру), не горячусь (‘не рискую во время игры’), меня не собьёшь с толку (т.е. не теряю голову во время игры), не соблазнился (‘не стал играть’), не поставил (‘не стал играть’), сидит, смотрит (‘наблюдает за игрой, не участвует’), занимает (игра), жертвовать (‘тратить деньги на игру’ и ‘тактика ведения игры’), приобрести излишнее (‘выиграть’), не понтирует (от нем. *pontieren* ‘играть в банк против банкoméта’). Получается, что из 25 глаголов только 7 не имеют прямого отношения к игре (*остались, ели, оживился разговор, приняли участие в разговоре, сказал, заметил, продолжал*).*

Прилагательные не имеют, на первый взгляд, отношения к игре, однако некоторые из них описывают некую безрадостную реальность: *долгая, зимняя* (о ночи, которую можно провести за картами), *перед пустыми приборами* (сидят проигравшие, не едят), *несчастлив*. Только семантика трёх прилагательных, выбранных А.С. Пушкиным, может внести в эту безрадостную картину некоторое оживление, и все эти прилагательные касаются именно портрета главного героя: *удивительна* (твёрдость, с которой он отказывается от игры), *молодого* инженера, *расчётлив*.

Семантика существительных также подчёркивает важность игры или (1) напрямую (*на игру, игра, карты, в выигрыше*), или (2) косвенно (*с аппетитом* (если выиграл); *в рассеянности* (если проиграл), *перед приборами* (сидят и не едят), *шампанское* (чтобы отметить выигрыш, смягчить проигрыш), *разговор* (об игре), *участие, твёрдость, из гостей, хозяин, инженер* (о хозяине квартиры, где играют), *необходимым* (жертвовать, тратить деньги на игру), *в надежде* (на выигрыш), *излишнее* (в результате выигрыша), *бабушка* (играла некогда в Париже), *конногвардейца, ночь* (потраченная на игру).

Стоит упомянуть, что ничто пока не говорит о бедности или богатстве, описанного персонажа.

Однако героев двух повестей уже можно сопоставить. Старый стационарный зритель проводит свои дни и ночи в постоянных трудах и напряжённой суетливой небогатой обстановке дороги. Тогда как молодой инженер посвящает ночи праздному спокойному наблюдению за игрой... Противопоставляются также реальная жизнь (с её реальными конфликтами и коллизиями) и ирреальное пространство игры, которое однако становится реальным, когда игра заканчивается и деньги – выигранные или проигранные – выступают как элементы настоящей (неигровой и некарточной) жизни. Выигрыш становится источником приобретения жизненных благ и формирования статуса в обществе, а проигрыш – настоящей, вовсе не игровой утратой благ, статуса и появления реальных (неигровых) проблем, если долг из-за отсутствия средств не может быть выплачен... Автору повестей не понаслышке были известно такое влияние игры на действительность...

Время для персонажей двух повестей протекает по-разному, своеобразно рисуя их портреты. Если стационарный зритель постоянно *спешит, бежит*, будто хочет обогнать время, *мученически* проживая каждую минуту и активно участвуя в жизни других, то молодой инженер *сидит, смотрит*, наблюдая за игрой (будто медитируя), может *поговорить* о ней и только... Время для Германна течёт размеренно и почти незаметно: раз, и *долгая зимняя ночь* пролетела... Даже с точки зрения обычного человека, не суетящегося на станции и не наблюдающего заинтересованно за карточной игрой, такие характеристики героев находятся в антонимических отношениях. Конечно, стационарный зритель оказывается старым бедным низшим чином, в поте лица зарабатывающим себе хлеб насущный, а Германн – молодым праздным гулякой... Так, уже в «зачинах» повестей А.С. Пушкин показывает нам два различных жизненных пространства, два жизненных пути, два типа героя.

Библиографический список

Бабенко Л.Г. Глагол «жить» в лирике А.С. Пушкина: когнитивно-пропозициональная структура. // Пушкинский глагол: Матер. расшир. Засед. теорет. семинара (20–21 мая, г. Екатеринбург). Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та. 1999. С. 230–247.

Виноградов В.В. Поэтика и её отношение к лингвистике и теории литературы // Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР. 1966. С. 164–201.

Виноградов В.В. Отношение к слову и употребление слова в поэтическом языке Пушкина // Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: Художественная литература. 1941 (620 с.). С. 5–119.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Ком-Книга. 2007. 144 с.

Гершензон М.О. Статьи о Пушкине. М.: Гос. академия художественных наук. 1926. 124 с.

Карзенкова Е.П. Метафоры в дружеском дискурсе. // Филология в XXI веке: Методы. Проблемы. Идеи. Матер. IV Всеросс. с междунар. участием научн. конф. (Пермь, 19 апреля 2016 г.). Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та. 2016. С.79–83.

Купина Н.А. Лингвистический анализ художественного текста: М.: Просвещение. 1978. 78 с. Электронный ресурс. http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=291 (дата обращения 15.05.2018).

Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе XIX века // Лотман Ю.М. Избр. тр. в 3-х тт. Т. 2. Таллинн: Александра, 1992. С. 389–415.

Пушкин А.С. Соч. в 3-х тт. Т. 3: Проза. М.: Художественная литература, 1987. 528 с.

E. P. Karzenkova

Senior Lecturer of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

Guan Jixuan

Student of Foreign Languages Institute
Shandong Pedagogical University
Student of Philological Faculty
Perm State University

WEALTH AND POVERTY IN the ART WORLD of A. S. PUSHKIN

The article authors examine the “introductions” (absolute beginnings) of two novels written by A.S. Pushkin: “The Stationmaster” and “The Queen of Spades”. The paper presents the results of the lexical-semantic novels’ main characters portraits analysis as a way of describing the writer’s artistic world.

Key words: linguistic analysis; vocabulary analysis; writer’s artistic world; novels by A.S. Pushkin.